

№ 613. — Письмо М. Н. Каткову.

2-го января 1861 [года]. Иркутск.

Мой милый друг,

Сегодня встал и первый раз с постели после трехнедельной болезни, горячки и рожи, - и чувствую еще большую слабость и в руках и в голове; а потому извини, если почерк мой будет хуже обыкновенного, и если не найдешь в самом письме строгой логичной последовательности. А между тем я хочу поговорить с тобою о предмете для меня весьма серьезном, т. е. о моем будущем. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, старания которого [в] мою пользу оставались до сих пор тщетными, говорит теперь с уверенностью об успехе, так что, если ожидания [исполнятся], то в мае или в начале июня мне можно будет ех[ать в] Россию.

15-го января.

Тщетны же были старания потому, что кн. Долгорукий (В. А. Долгоруков.), судя по дон[о]с[ам], [получен]ным им против меня из Сибири, не находит во мне и капли раскаяния 1. я, разумеется, не буду, надеюсь однако, что сила Муравьева возьмет свое. Пора мне [ехать, здесь] делать мне нечего. Искал я дела у Бенардаки по Амурским делам (разумеется, не то [откупно]му), но служба по частным делам мне не только что не удалась и не принесла никакой пользы, но вовлекла меня а долги и совершенно расстроила мои фи[нанс]ы; два года получал я жалование без дела, и, не получив окончательно никакого дела, считаю себя обязанным возратить Бенардаки все двухгодичное жалование, около 5.000 руб., дабы не сказали потом, что Бакунин как родственник генерал-губернатора Муравьева жил у откупщика Бенардаки на пенсии. 2 Расплатятся с ним братья и вычтут эти деньги из части моей в общем имении; при нынешних обстоятельствах, когда все помещичьи имения расстроились и без сомнения упали в цене, им это будет не легко; но что ж делать, честь прежде всего. Заплатив эти деньги, они без сомнения не будут в состоянии прислать мне что-либо в нынешний год. А именно в нынешний год мне деньги будут необходимы для того, чтобы, расплатившись с некоторыми долгами, выбраться из Сибири.

Думал я, думал и наконец решился прибегнуть к твоей личной дружбе и к политической симпатии твоих друзей, - к кому ж и прибегать в крайних случаях как не к политическим друзьям, если такое выражение имеет уже смысл, стало возможно в России? Залогом уплаты должны служить остаток моей небольшой части в имении братьев и моя будущая деятельность. Ты, кажется, не потерял веру в последнюю, да и я чувствую себя вправе о ней говорить, потому что сознаю в себе еще много силы и охоты на дело 3. Сумма же мне нужна довольно значительная: 4.000 р. сер., пожалуй хоть и не вдруг, но по частям, как будет

можно, с тем однако же, чтобы к концу мая собрались все 4.000. Я решился на такую просьбу, потому что не вижу для себя другого исхода; в случае невозможности с вашей стороны исполнить ее, мне придется остаться в Сибири. Если она исполнима, то посылай деньги, а также и письма на имя иркутского гражданского губернатора Петра Александровича Извольского, моего большого приятеля 4, с коротеньким письмом к нему с просьбой передать деньги и письма Михаиле Александровичу без фамилии. Письма ко мне не должны, разумеется, заключать в себе ничего слишком вольного. Если же просьба моя неисполнима, то напиши прямо и просто, так же, как и я пишу тебе теперь, [и] будь уверен, что принужденный отказ твой не возбудит в душе моей ни тени сомнения насчет твоей дружбы. Только прошу тебя, чтобы в никаком случае не было огласки, [и чтобы] даже братья мои ничего не знали; они решились бы на чрезмерные жертвы, вредные для благосостояния всего семейства, [а я] именно не хочу этих жертв.

Теперь, кажется, об этом предмете довольно. Буду с тобою браниться.

Скажи ради бога, за что ты так полюбил Австрию? Может ли и должен ли русский радоваться тому, что австрийское правительство, отъявленный, коренной, необходимый враг России, поступает умно, что Австрия хочет стать славянскою, пожалуй, хоть федеративную державою? Но если бы это сбылось, что было бы с Россиею? Разве ты не признаешь, что жизненный для России вопрос с Польшею не иначе разрешиться может как в славянском море? Или ты полагаешь, что Польша останется раздроблена? Это невозможно, она воссоединится и соберется вновь в одно целое под сенью славянской Австрии против России, она оттянет одну да другую Литву, Белоруссию, У[к]раину, всю Малороссию. Что же останется России? Изменив своему коренному, фактическому демократическому характеру, также бежать, наконец, под феодальное покровительство Габсбургско-Лотарингского дома и лордов Готского альманаха? Нет, милый друг, я крепко стою за Россию, она, наперекор своей рабски-патриархальной неподвижности и нынешней тупости ее правителя и правителей, она должна сделаться средоточием славянского возрождения, она должна раздробиться на административно-самостоятельные части, органически связанные друг с другом, и возродиться в русской, славянской федерации. Или по твоему должны быть два славянских мира один-западный, другой-восточный? Да это неестественно: один съест непременно другой. Итак пускай же Россия ест Австрию, - ведь право и глоток-то небольшой: лотарин[г]цев с принцессою Софиєю, [м]ою старую приятельницею, включительно, да сотни две онемеченных лордов. Ты надеешься на их ум, а я рассчитываю на их [глу]пость, на их неисправимую, исторически, физиологически [необходимую] глупость. Они способны породить только тени да приз [раки]; живой действительности от мертвецов не жди. [Мы же хоть] и спим, гадко, грязно, постыдно спим, да мы- [Илья Муру]мец или пожалуй хоть Ванюшка-дурачок: в нас [есть] чудотворная сила. Напрасно, мне кажется, также [ты] нападаешь так жестоко на Людвига-Наполеона (Луи Бонапарт, император французов Наполеон III), он без сомнения - каналья, мерзавец, но умен, очень умен, и наконец не в его добродетелях дело, а в его положении, которое погоняет его и погонит наконец туда, куда и сам не хочет. Он *volens volens* (Волей-неволей.) - будильник Европы и может про себя сказать, как Мефистофель в "Фаусте":

Ich bin ein Teil von jener Kraft,
Die stets das böse will und stets das gute schafft.

("Я... той силы часть и вид,
Что вечно хочет ада и век добро творит".

Гете - "Фауст", перевод Фета.)

Пожалуйста не ругай же его так беспощадно и вспомни слова Саваофа:

Ich habe Deines Gleichen nie gehasst...
Des Menschen Thatigkeit kann allzuleicht erschlaffen.
Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reizt und wirkt und muss als Teufel schaffen.

("Не гнал я вас от моего лица.
Слаб человек, на труд идет не смело,
Сейчас готов лелеять плоть свою;
Вот я ему сопутника даю,
Который бы как черт дразнил его на дело".

Гете - "Фауст". Пролог на небе, перевод Фета.)

Граф Муравьев-Амурский оставляет совсем Сибирь. Блистательный трактат, заключенный в Пекине молодцом Игнатьевым, увенчал его дело, и ему в Сибири делать более нечего. Его мало знают в России. Он - необыкновенный человек и умом и энергиею и сердцем. Он принадлежит к разряду - редкому и весьма немногочисленному в России - людей делающих. Умей он лучше выбирать своих исполнителей, он был бы человек гениальный. Но выборы его были большею частью несчастны, и доверенные его часто его компрометировали 7. Он - человек страстный и потому способный к увлечениям, к ошибкам, но этот недостаток вознаграждается огромным, быстрым, метким умом и в высшей степени благородным сердцем, которые в большей части случаев исправляют ошибки его страстного нрава, впрочем уж очень угомонившегося. Он - человек будущности России. Я очень желал бы, чтобы вы с ним познакомились; сходи к нему и окажи, что ты пришел по моей просьбе. Только предупреждаю тебя, что он ненавидит англичан, кам[еру] лордов-он более демократ, чем либерал по [при]нципу, впрочем либеральный демократ, поборник [децентрализации и самостоятельного общинного [самоуправления, враг бюрократии. Узнай его по крайней мере как человека несомненно исторического, если еще не в настоящем, то в будущем и, надеюсь, в близком будущем. Ты увидишь у него полковника Кукеля 8, который вероятно и понесет к тебе мое письмо, человека очень способного, очень ловкого, но несомненно принадлежащего к худому и вредному разряду поляков - фальшивый, нервозно-чувствительный, гладкий, холодный, он как змея обвинил бедного льва Муравьева - а впрочем он может передать тебе много интересного о Вост[очной] Сибири, об Амуре. Слушай его, но верь только тому, что тебе покажется вероятно.

Остается мне крепко обнять тебя, пожелать скорее с тобой увидеться и просить о скорейшем ответе через губернатора Извольского.

Твой неизменный
М. Бакунин.

Комментарий

Но 613.-См. общие замечания к Но 605. Оригинал письма находится в б. Пушкинском Доме Академии Наук СССР. Именно к содержанию этого письма относятся злобно-издевательские замечания Каткова, приведенные нами в комментарии к Но 605.

1 См. комментарий 2 к Но 600, общий комментарий ж Но 600 и комментарий 21 к

Но 612. Напоминаем, что в "Деле" о Бакунине никаких доносов на него из Сибири не имеется (это конечно не значит, чтобы их вовсе не было, так как они могут находиться в других "делах", хотя это и маловероятно). Мы все же склонны думать, что здесь играли роль не доносы, а систематические просьбы Бакунина и его покровителей о возвращении ему свободы. Жандармы и царь в первую, голову усматривали в этом признак нераскаянности.

2 В переписке, возникшей впоследствии по поводу побега Бакунина, тогдашний ген.-губ. Восточной Сибири Корсаков сообщал, что Бакунин служил у золотопромышленника Бенардахи, но, получая жалованье в течение целого года, ровно ничего не делал, "что имело весьма неприличный вид". В конце концов от отказался от этого места (еще в бытность Муравьева в Иркутске), причем братья его выдали Бенардаки вексель на всю заплаченную Бакунину сумму.

Это письмо Корсакова от 17 сентября 1861 г. находится в части IV "Дела" о Бакунине, лл. 2-3.

3 Обращение к политической солидарности Каткова и его друзей является с одной стороны выражением "святой простоты" Бакунина, но с другой - и его рассчитанного лукавства. Но уловить с помощью таких приемов можно было не такого тертого сквалыжника, как Катков. И нетрудно себе представить, как должен был хохотать редактор "Русского Вестника", когда Бакунин апеллировал к его свидетельству в пользу веры в его "будущую деятельность". Это Катков-то, знавший, что Бакунин в течение двух лет не мог или не захотел прислать ему ни одной статьи о Сибири, несмотря на выраженное им самим желание и на приглашение Каткова писать такие статьи! А ведь здесь речь шла о такой именно деятельности, которая приносит заработок. И под залог этой будущей деятельности Бакунин просил у Каткова не более не менее как 4 000 рублей.

Кстати весьма вероятно, что Бакунин, знавший, как видно из конца письма, что Муравьев оставляет Сибирь, уже в это время подумывал о побеге и хотел составить себе запасной капитал на такой случай.

Дальнейшие рассуждения Бакунина (насчет Австрии и пр.) во многом являются выражением даже не дворянского либерализма, а казенного патриотизма. Правда все это написано для Каткова и в подкрепление просьбы о 4000 рублей, но все же невольно возникает мысль, что,

влиять в Сибири на Муравьева, Игнатьева и т. п., Бакунин незаметно сам заражался от них их взглядами.

4 Извольский, Петр Александрович (1816-1888)-чиновник, служил по министерству внутренних дел с 1836. С декабря 1856 был советником и начальником отдела Главного Управления Восточной Сибири. С июля 1860 был и. д. иркутского гражданского губернатора, а с начала 1861 иркутским гражданским губернатором. В последующее время был губернатором екатеринославским и курским. Чем заслужил большую дружбу Бакунина, неизвестно, разве тем, что давал ему займы.

5 После поражения Австрии в войне с Францией в 1859 г. монархия, потерявшая Ломбардию, утратившая всякий вес в Германии, дошедшая до финансового банкротства, принуждена была для своего спасения пойти на уступки и смягчить реакцию, царившую в стране с 1849 года. В рядах командующего класса боролись две тенденции, осуществление каждой из которых должно было по расчету ее носителей способствовать сохранению максимальной доли их привилегий и по возможности оставить старую систему в целости. "Централисты", опиравшиеся на немецкую буржуазию Австрии и выражавшие ее интересы, стремились к созданию централизованного государства, в котором австрийский капитал подчинял бы себе остальные нацменовские капиталы дунайской монархии. "Федералисты", желавшие снова использовать националистические стремления буржуазии славянских народностей Австрии, готовы были на словах наделить эти национальные буржуазные группы всяческими формальными правами, дабы не допустить образования Объединенного революционного движения и распылить оппозицию. Сначала победило федералистское большинство, за которым стояли правящие группы таких наций, как мадьяры, чехи, хорваты, поляки и пр.: 20 октября 1860 г. император издал диплом, согласно которому все областные сеймы получали законодательную власть. Но когда в ответ на это немецкая буржуазия Австрии стала угрожать финансовым кризисом, а венгерцы поспешили использовать диплом для возобновления борьбы за полную автономию, правительство пошло на попятный и примкнуло к унитарной точке зрения: патент 26 февраля 1861 г. создал под именем рейхсрата общеимперский парламент (затея, из которой впрочем ничего не получилось вследствие сопротивления венгров и итальянцев, сразу объявивших рейхсрату бойкот). Но в тот момент, когда Бакунин писал свое письмо, казалось торжествовала еще федералистская точка зрения, и пылкие панслависты мечтали уже о превращении Австрии в своего рода западную славянскую федерацию. Опасение Бакунина, что хотя бы относительная свобода, предоставленная славянам в Австрии, будет действовать разлагающим образом на российскую деспотию, равно подавляющую все подвластные ей народы, отчасти оправдалось впоследствии, когда Австрия сделалась в известном смысле центром притяжения для российских поляков, украинцев и т. п. Но не революционеру было об этом печалиться!

6 София, австрийская эрцгерцогиня (род. в 1805) - дочь баварского короля Максимилиана Иосифа; в 1824 г. вышла замуж за австрийского эрцгерцога Оранца Карла: от этого брака родился между прочим Франц Иосиф (р. 1830 и с 1848 г. сделавшийся австрийским императором). Стояла во главе ряда благотворительных обществ. Считая полоумного Фердинанда недостойным носить корону и желая доставить ее своему сыну, она стояла в оппозиции к Меттерниху, имела свою партию при дворе и разыгрывала роль сторонницы

либеральных реформ. Слова Бакунина о ней можно толковать таким образом, что по его мнению она сделала что-то для облегчения его участи во время его сидения в австрийских тюрьмах (а начале 50-х годов).

7 В этих словах можно усмотреть уже тачало разочарования в Муравьеве. Правда Бакунин сдает позиции не сразу, пытаясь взвалить ответственность на неудачных помощников, но это-начало критического отношения к недавнему герою, которое на этом первом шаге остановиться не могло.

8 Кукель, Болеслав Казимирович (1829-1869)-генерал-майор польского происхождения; из дворян Виленской губернии; по окончании Главного Инженерного училища в 1850 т. был назначен на службу в Сибирь; здесь был [помощником Муравьева-Амурского; в 1862 г. был губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Во время проживания Бакунина в Иркутске был с ним в хороших отношениях, и после его побега помогал его жене. На этом основании Бакунин возвел его чуть-ли не в единомышленники и стал писать ему из-за границы крайне неосторожные письма (см. том V настоящего издания). Эти письма попали в руки жандармов, и по распоряжению Александра II Кукель был временно отрешен от службы и над ним назначено расследование. Из следствия Кукель вышел оправданным.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 16 декабря 2025 14:31:43

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 16 декабря 2025 14:33:09